

Роль магистратуры в системе подготовки академических кадров

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-11-47-62

Гармонова Анна Владимировна – канд. полит. наук, доцент Департамента образовательных программ Института образования, директор Центра университетского партнёрства, ORCID: 0000-0003-2656-0578, Researcher ID: T-1371-2017, agarmonova@hse.ru

НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Адрес: 1011000, Москва, Покровский б-р, 11

Опфер Евгения Анатольевна – канд. пед. наук, науч. сотрудник проектно-учебной лаборатории «Развитие университетов» Института образования, ORCID: 0000-0002-1253-5657, Researcher ID: S-1925-2016, eorfer@hse.ru

НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Адрес: 1011000, Москва, Потаповский пер., 16, стр. 10

Щеглова Дарья Владимировна – канд. полит. наук, науч. сотрудник проектно-учебной лаборатории «Развитие университетов» Института образования, ORCID: 0000-0002-5196-8607, Researcher ID: B-8013-2018, dshcheglova@hse.ru

НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Адрес: 1011000, Москва, Потаповский пер., 16, стр. 10

Аннотация. В условиях борьбы вузов за академическое лидерство, измеряемое успехами в развитии науки, остро встаёт необходимость поддержки и развития научных школ. Одна из мер поддержки – воспроизводство научных кадров. Традиционно эта проблема рассматривается в рамках исследований аспирантуры. Но исследования мотивов поступления в магистратуру показывают, что уже на этапе второй ступени высшего образования большинство студентов готовы выбрать (и выбирают) академический трек. Таким образом, академический трек фактически начинается задолго до поступления в аспирантуру, а значит, для тех, кто планирует строить академическую карьеру, магистратура должна включать возможность получить исследовательские компетенции. Встраивание магистратуры в академический трек будущего учёного позволяет рассматривать её как одну из ступеней подготовки будущих научных кадров. В статье представлены результаты опроса магистрантов российских вузов о мотивах поступления и выбора академического трека в магистратуре, данные о формировании академической составляющей учебной траектории и научной активности магистрантов в связке с их профессиональными планами. Сделаны выводы о том, что у студентов нет возможности выстроить индивидуальный академический трек внутри «гибридных» магистратур, а таких магистратур – большинство. Российская магистратура слабо вовлекает потенциальных исследователей в научные исследо-

вания во всех типах вузов, включая НИУ. Учёба в аспирантуре всё больше рассматривается магистрантами как профессиональное развитие, без планов построить академическую карьеру в науке и образовании.

Ключевые слова: подготовка научных кадров, магистратура, магистранты, академическая магистратура, «гибридная» магистратура, академический трек, аспирантура

Для цитирования: Гармонова А.В., Опфер Е.А., Щеглова Д.В. Роль магистратуры в системе подготовки академических кадров // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 11. С. 47–62. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-11-47-62

Master Education and Academic Career Track in Russia

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-11-47-62

Anna V. Garmonova – Cand. Sci. (Political), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Educational Programmes at the Institute of Education, Director of the Centre for Regional University Partnerships, ORCID: 0000-0003-2656-0578, Researcher ID: T-1371-2017, agarmonova@hse.ru
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Address: 11, Pokrovsky ave., Moscow, 1011000, Russian Federation

Evgenia A. Opfer – Cand. Sci. (Education), Research Fellow, Institute of Education, ORCID: 0000-0002-1253-5657, Researcher ID: S-1925-2016, eofer@hse.ru
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Address: 16, bldg. 10, Potapovsky alley, Moscow, 101100, Russian Federation

Daria V. Shcheglova – Cand. Sci. (Political), Research Fellow, Institute of Education, ORCID: 0000-0002-5196-8607, Researcher ID: B-8013-2018, dshcheglova@hse.ru
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Address: 16, bldg. 10, Potapovsky alley, Moscow, 101100, Russian Federation

Abstract. The master's degree is an obligatory stage for those who are planning to enter PhD. That is why it should have a clear academic track. Embedding the master's degree in the academic track allows universities to sum up their efforts to support young scientists. There is an urgent need to support scientific centers in Russian universities. When the universities are competing for academic leadership, academic tracks become the ground for the development strategies.

Previous researches showed that most students were ready to choose an academic track when they were master's students. Thus, the academic track starts long before entering the doctoral programs. The study results reveal that master's students do not have an opportunity to build an individual academic track within “hybrid” master's programs. The Russian master's degree programs shortly involve young researchers in projects, and this applies to all types of universities, including the research ones. The structure and ways of involving students in science do not differ in undergraduate and postgraduate programs. Master's students who choose academic track do it without changing the major program. However, this trend doesn't cover all the students. Master's students use academic tracks to upgrade their professional skills for the further career but not at university or scientific institution.

Keywords: training of scientific staff, magistracy in Russia, master's degree students, master education, “hybrid” master's programs, academic track, doctoral education

Cite as: Garmonova, A.V., Opfer, E.A., Shcheglova, D.V. (2022). Master Education and Academic Career Track in Russia. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 31, no. 11, pp. 47-62, doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-11-47-62 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Существовавшие в советское время научные школы вузов в 1990-е гг. начали активно трансформироваться, когда содержание образовательного процесса с одной стороны, быстро изменялось под рынок, а с другой – пытались ответить на возросший спрос на академическую свободу со стороны студентов и преподавателей [1]. В эти же годы начала формироваться и российская магистратура как среда для получения студентами более глубоких, по сравнению со специалитетом, научных знаний, выступая подготовительным этапом для поступления в аспирантуру. Её формы и содержание учебных курсов и практик также имели сугубо научный характер. Так, первые магистратуры могли стать серьёзным базисом для воспроизводства научных кадров. В процессе развития магистратуры её целевые установки дифференцировались, разделив программы на академические и прикладные. С 2008 г. в аспирантуру в России стало возможно поступить только после окончания магистратуры (или специалитета), что сделало эти ступени образования формально связанными. Следовательно, магистратура должна была играть значимую роль в мотивации к научной деятельности и в формировании исследовательских компетенций студентов. Однако итогом реформ стало появление скорее гибридной магистратуры, в которой не выделяется чёткого академического или прикладного трека, дублируется часть дисциплин с дисциплинами в аспирантуре, при том что качество приёма в аспирантуру снижается [2].

Гибридность магистерских программ объясняется несколькими причинами. С 2010 г., после введения третьего поколения стандартов, магистратура стала позиционироваться функционально как второе высшее образование и возможность получения

дополнительной квалификации в более короткие сроки. Как следствие, появилась возможность принимать на программы магистратуры бакалавров с других профилей подготовки. В результате подготовка исследователя, которая ранее занимала шесть лет, для многих студентов должна была уложиться в два года, не потеряв при этом в качестве. Это сопровождалось снижением количества аспирантов, что повлекло упадок целого ряда научных школ и лабораторий [3]. С 2018 г. количество бюджетных мест в магистратуру стабильно возрастало (с 115 824 мест в 2019/20 учеб. году до 154 676 в 2023/24 учеб. году), и согласно плановым показателям Правительства РФ до 2024 г. эта тенденция будет сохраняться¹.

Магистратура в России является самой массовой среди всех стран ОЭСР (28% населения в возрасте от 25 до 64 лет охвачены магистерским или эквивалентным ему (специалитет) образованием). При таком охвате магистерским образованием доля выпускников аспирантуры/докторантуры составляет 0,5% от общего числа населения 25–64 лет. Доля той же возрастной группы, обучавшаяся в докторантуре (doctoral studies²) в странах

¹ Приказ Минобрнауки России от 10 января 2022 г. № 16 «Об утверждении общих объёмов контрольных цифр приёма по специальностям и направлениям подготовки и (или) укрупнённым группам специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам высшего образования, а также по группам научных специальностей и (или) научным специальностям для обучения по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета на 2023/24 учебный год». URL: https://minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=45886 (дата обращения: 09.07.2022).

² В случае с Россией это те, кто получил степень кандидата или доктора наук.

ОЭСР, составляет в среднем 1,5%. В Люксембурге, Великобритании, Соединённых Штатах, Германии, Австрии – 2%; лишь в Швейцарии это значение достигло 3% в 2021 г. При этом доля населения в возрасте 25–64 лет, охваченного магистерским образованием в странах ОЭСР, составляет в среднем 12%. В странах с самыми высокими показателями доли докторантов большинство являются зарубежными исследователями. В Люксембурге доля докторантов-иностранцев достигает 78%, в Швейцарии – 54%, в Швеции – 30%, в Словении – 20%. В России в 2021 г. таких специалистов было 8%. Это говорит о том, что магистратура в этих странах – не ключевой источник научных и преподавательских кадров. Однако в системе уровневого высшего образования она содержательно ближе к уровню докторантуры, чем в России, и часто в статистических данных они объединяются в одну категорию³.

«Воронка» высшего образования предполагает снижение количества выпускников аспирантуры по сравнению с магистратурой. По данным НИУ «Высшая школа экономики», в 2018 г. в российской аспирантуре обучалось 90 923 студента⁴, а в магистратуре – 531 673. В динамике с 2017 по 2021 гг. соотношение магистрантов к аспирантам составило в среднем 5 к 1. Но возрастание числа магистрантов не приводит к тому, что возрастает и число тех, кто выбирает академическую карьеру. Логично предположить, что большинство магистерских программ в такой ситуации должны быть прикладными (ориентированными на индустрию). Но российская магистратура сохраняется до сих пор во многом как академическая [4]. Число научно-педагогических работников в России

неуклонно сокращается. Количество научных работников в вузах уменьшилось с 18877 в 2013 г. до 16677 в 2021 г. Численность ППС также сократилась: с 319348 в 2013 г. до 217653 в 2021 г. При возрастающей нагрузке на наукоёмкие производства это говорит о нарастающем дефиците научных кадров.

К признакам кризиса подготовки научных кадров относят слабую академическую мотивацию поступающих в аспирантуру [5]. Мотивы поступления в аспирантуру, действительно, не всегда связаны с планированием академической карьеры, аспирантура видится как «повышение квалификации» высшего уровня [6]. Дрейфу аспирантуры в этом направлении способствовал и нормативный контекст. Отметим неоднозначность образовательной политики государства в отношении связки магистратуры и аспирантуры. Во-первых, программы магистратуры в обновлённом ФГОС 3++ перестали разделяться на академические и прикладные, задавая единые требования к условиям и результатам реализации образовательных программ. Это повлекло размывание целевых установок магистерской подготовки и непонимание субъектами – студентами, преподавателями, работодателями – назначения магистерского образования. Во-вторых, аспирантура, традиционно являясь послевузовским образованием, нацеленным на подготовку научных кадров, в 2014 г. стала считаться третьей ступенью образования, которая вписывается в рамки ФГОС и не имеет обязательным результатом защиту научной диссертации. Это поставило под сомнение основное назначение аспирантуры, стимулируя кризис молодых научных кадров в университетах и научных организациях [7]. Может ли снижение воспроизводства научных кадров с низким процентом магистрантов, выбравших академический трек, считаться показателем кризиса, или это следствие тренда на смену роли аспирантуры в подготовке профессиональных кадров [8]? Стратегической задачей для ведущих российских вузов является увеличение доли магистрантов, выбирающих академическую карьеру. Возвращение аспи-

³ Education at a glance // OECD iLibrary. 2021. 16 Sept. DOI: 10.1787/b35a14e5-en

⁴ Индикаторы образования: 2020 : статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Д.Р. Бородина, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 496 с. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/352549981.pdf> (дата обращения: 09.07.2022).

рантуре статуса научного уровня подготовки в 2021 г. должно способствовать восстановлению её функции подготовки научных кадров для дальнейшего развития научных школ [9], но на это потребуются годы. Под воспроизводством академических кадров в данной статье понимается подготовка в вузе молодых исследователей – кандидатов наук, конкурентоспособных на открытом академическом рынке. Безусловно, вуз может рекрутировать своих выпускников, внёсших вклад в развитие научной школы или конкретного исследования. Однако инбридинг не является основной целью воспроизводства академических кадров, решая более глобальную задачу снижения кадрового голода в академической сфере в России.

В данной статье мы задаёмся вопросами: какова роль магистратуры в выстраивании студентами академического образовательного трека, ориентированного на поступление в аспирантуру? Как и почему магистры приходят в аспирантуру? Формирует ли магистратура академические компетенции для тех, кто планирует поступать в аспирантуру?

Материалы и методы

В данной статье решалось несколько исследовательских задач:

1) зафиксировать студенческую оценку обучения в магистратуре в области научно-исследовательской работы;

2) выявить основные стратегии выбора магистрантами академического образовательного трека;

3) проанализировать, как стратегии выбора связаны с типом вуза (НИУ или нет) и вовлечённостью в работу научных коллективов вуза (для формирования исследовательских компетенций).

Для решения поставленных задач были использованы следующие показатели:

– возможность получить в магистратуре компетенции, формирующие академические навыки (участие в реальных научных проектах, работа в лабораториях и научных коллективах);

– степень индивидуализации траектории обучения в магистратуре (доля и достаточность курсов по выбору);

– научная активность магистрантов (публикации, участие в научных мероприятиях);

– треки поступления магистрантов, планирующих дальнейшее обучение в аспирантуре;

– профессиональные планы магистрантов, чьим мотивом было продолжение обучения в аспирантуре.

Таким образом, академический трек в магистратуре был проанализирован с точки зрения студентов как главных субъектов образовательного процесса [10], что связано с методом сбора данных – массовым опросом магистрантов российских вузов. Выводы интерпретируются через оценку результатов трансформации системы высшего образования как конвергенции макроуровня (ФГОСы, образовательная политика) и микроуровня (запросы и стратегии студентов) [11].

Основным источником эмпирической базы исследования послужили данные всероссийского исследования Института образования НИУ ВШЭ «Ландшафт российской магистратуры» – победителя конкурса стипендиальных программ Благотворительного фонда Владимира Потанина. Выборка охватила 28 вузов из 21 региона РФ (Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Краснодарского края, Красноярского края, Севастополя, Москвы, Волгоградской, Иркутской, Курганской, Нижегородской, Псковской, Тамбовской, Орловской, Оренбургской, Ростовской, Рязанской, Смоленской, Свердловской, Томской, Ульяновской, Ярославской областей). В выборке представлены национальные исследовательские, федеральные университеты, опорные вузы и вузы, не подведомственные Минобрнауки РФ. Данные были собраны в 2021 г. (*Приложение 1*). Число опрошенных магистрантов – 2498 чел. В статье приведены также данные опроса 4648 бакалавров тех же вузов и УГСН. Опрос проводился при поддержке региональных партнёров проекта внутри

каждого вуза и администрации университетов. Сбор данных был реализован в Google-формах. Анкета была посвящена оценке студентами своего обучения в магистратуре, их профессиональным планам после окончания вуза, самооценке компетенций, получаемых в ходе обучения. В *Приложении 2* представлено описание выборки исследования.

Планы поступления в аспирантуру в опросе «Ландшафт российской магистратуры» фиксировались не прямо, а через вопрос о причинах поступления в магистратуру, среди которых значилась причина «планирую продолжить обучение в аспирантуре». Такой дизайн опросника позволил работать с подвыборкой магистрантов, ориентированных на академический трек.

Возможность получать академические компетенции измерялась вовлечённостью магистранта в научную работу структурных подразделений университета. Вовлечёнными считались магистранты, давшие на вопрос «В каких формах научной работы Вы участвовали в текущем или прошедшем учебном году в данной или другой образовательной организации (вузе)?» один из (или сразу несколько) ответов: «Принимал(а) участие в научных проектах лабораторий, центров и т. п. по договору, в рамках гранта и т. д. с оплатой работ»; «Принимал(а) участие в научных проектах лабораторий, клубов, кружков и т. п. на безвозмездной основе»; «Являюсь штатным сотрудником лаборатории». Остальные комбинации ответов (ответ предполагал множественный выбор) были отнесены к невовлечённости. Значения рассчитывались от общего числа ответивших.

Степень индивидуализации траектории обучения измерялась ответами на вопрос с одним выбором: «Имеются ли на Вашей программе магистратуры дисциплины по выбору?». Значение рассчитывалось как простое распределение ответов по 5-балльной шкале от «Да, и таких дисциплин большинство» до «Никогда об этом не слышал(а)». Данные опроса были сопоставлены с результата-

ми Мониторинга экономики образования⁵ (МЭО) за тот же период для иллюстрации общих тенденций в создаваемых вузами условий обучения.

Научная активность магистрантов оценивалась анализом распределения ответов на вопросы: «В каких формах научной работы Вы принимали участие в текущем или прошедшем учебном году во время обучения в магистратуре?»; «В каких изданиях опубликованы Ваши работы?» (из подвыборки магистрантов, которые ответили «Да» на вопрос: «Есть ли у Вас научные публикации?»).

Профессиональные планы магистрантов оценивались ответами на вопрос о том, были ли респонденты трудоустроены по специальности на момент поступления в магистратуру («Была ли у Вас оплачиваемая занятость до поступления в магистратуру?»; «Есть ли у Вас на данный момент оплачиваемая работа?»), и о том, где респонденты планируют трудоустроиться после окончания обучения («В какой сфере Вы планируете работать в ближайшие пять лет по окончании магистратуры?»). Оба значения распределения ответов рассчитывались от общего числа ответивших.

Для решения поставленных задач по всем показателям была отдельно проанализирована подвыборка магистрантов, которые при поступлении ориентировались на академический трек (к академическому треку были отнесены все, кто в своих ответах о причинах поступления в магистратуру указали «продолжить обучение в аспирантуре»).

Были проанализированы треки поступления, которые выбирают магистранты, планирующие продолжить обучение в аспирантуре. Трек включал в себя варианты следующих параметров: смена направления при поступлении в магистратуру; наличие пере-

⁵ Карьерные планы студентов вузов: информационный бюллетень / К.В. Рожкова, П.В. Травкин; НИУ «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. Сер.: Мониторинг экономики образования; № 1 (18). URL: [https://www.hse.ru/data/2022/05/31/1870885443/ib_1\(18\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/05/31/1870885443/ib_1(18)_2022.pdf) (дата обращения: 09.07.2022).

Таблица 1

Стратегии поступления в магистратуру

Table 1

Strategies of admission to magistracy

Стратегия	Трек
<i>Стратегия 1:</i> Не делал(а) перерыв в обучении, не сменил(а) направление подготовки	1
<i>Стратегия 2:</i> Сделал(а) перерыв в обучении, не сменил(а) направление подготовки	2
<i>Стратегия 3:</i> Не делал(а) перерыв в обучении, сменил(а) направление подготовки	3
<i>Стратегия 4:</i> Сделал(а) перерыв в обучении, сменил(а) направление подготовки	4

рыва между предыдущим образованием и магистратурой (Табл. 1).

Также были проанализированы распределения ответов по типам вузов. Типология вузов была бинарной: НИУ и другие вузы (предполагая, что в НИУ должны быть созданы лучшие условия для вовлечения магистрантов в реальные исследования, чем в вузах других типов, и в них должна быть большая доля магистрантов, планирующих академический карьерный трек).

Помимо указанных социологических опросов, в статье приведена аналитика на основе вторичных данных из открытых источников Министерства науки и высшего образования РФ (формы ВПО-1)⁶ и данных Росстата о численности аспирантов (форма № 1-НК)⁷.

Результаты

Согласно опросу проекта «Ландшафт российской магистратуры» (далее – ЛРМ), среди опрошенных студентов магистратуры в 2021 г. желали продолжить обучение в аспирантуре 26,3%. Из их числа работать в академической среде и построить академическую карьеру планировали 50% ответивших. Боль-

шинство (61,2%) из тех, кто поступил в магистратуру с планами продолжить обучение в аспирантуре, учатся по тому же направлению подготовки; 18,3% – по смежному и 20,5% – по другому направлению (Рис. 1).

Из подвыборки магистрантов, желающих обучаться в аспирантуре, 80,4% продолжили своё обучение сразу после получения диплома бакалавра или специалиста, и большинство (77,3%) – в том же вузе, где учились в бакалавриате/специалитете; 48,5% уже работали по специальности к моменту поступления в магистратуру, а в ходе обучения таковых стало уже 58,6%. В этих тенденциях подгруппа магистрантов, планирующих поступление в аспирантуру, практически не отличается от общей выборки, разница в распределении ответов по этим вопросам составляет не более 1,5%.

Самыми частыми видами научной деятельности у магистрантов являются публикация результатов своих исследований, выступление на конференциях и посещение научных семинаров и иных мероприятий. Основными формами научной работы и у бакалавров, и у магистрантов остаются участие в конференциях, семинарах и конкурсах научных работ (Рис. 2).

Согласно данным МЭО, 45,3% магистрантов хотели бы заниматься научной деятельностью, а 7,8% уже работают в лабораториях и научных коллективах как штатные сотрудники, и ещё 6,6% – по договору в рамках гранта. Согласно данным ЛРМ, вовлечены в научную работу на любой платной основе 12,2% магистрантов. По данным МЭО, 38,4% магистрантов не участвуют в научной работе, а по данным ЛРМ, таких 32,5%.

⁶ Форма N ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrнауки.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 09.07.2022).

⁷ https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/asp-dokt.htm (дата обращения: 09.07.2022).

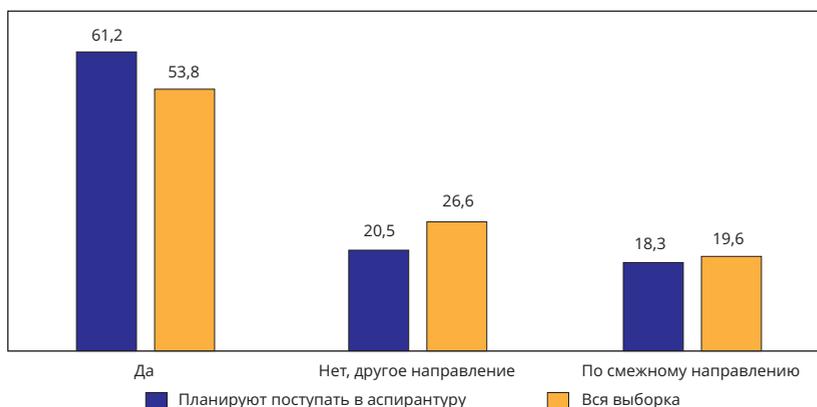

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Вы учитесь по тому же направлению подготовки?» всей выборки магистрантов и подгруппы, ориентированной на академический трек (%)

Fig. 1. Distribution of the answers to the question, “Did you change the domain of study in Magistry?” (dark blue – respondents, who plan to enter doctoral school, peach – the entire sample)

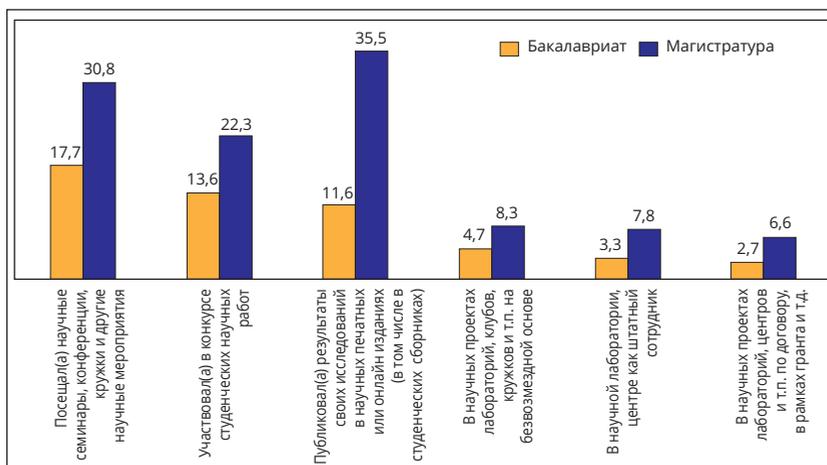

Рис. 2. Формы участия в научной работе бакалавров и магистрантов по результатам МЭО (%)

Fig. 2. Forms of engagement into research of bachelor students and master's students according to Monitoring of education markets and organizations (%) (yellow – undergraduate, dark blue – magistracy)

Что касается вовлечённости в научную работу, по данным АРМ, у магистрантов, планирующих поступление в аспирантуру, показатели закономерно выше: в среднем научная активность выбирающих академический трек выше на 8–12% по сравнению с общей выборкой. Вместе с тем 8,3% магистрантов, планирующих академический трек, отметили, что ни разу не участвовали в научной работе. Есть основания говорить о довольно низкой включённости магистран-

тов в науку, следовательно, они имеют мало возможностей, чтобы набрать соответствующие академические компетенции.

Рассмотрим результаты в дополнительном разрезе: сравним ответы о вовлечённости в науку тех, кто обучается в НИУ и в других вузах. Структура выборки опроса АРМ включала три НИУ, выигравших реализацию научно-исследовательского трека в программе «Приоритет-2030». Последнее говорит о том, что в этих вузах есть офици-

Таблица 2

Формы научной работы магистрантов согласно данным опроса «Ландшафт российской магистратуры»

Table 2

Forms of research work of master's students according to the "Landscape of Russian Magistracy" data

Формы научной работы	Планируют аспирантуру (%)	Все магистранты (%)	НИУ (%)
Являюсь штатным сотрудником научной лаборатории, центра и т.п.	5	3,2	5,9
Публиковал(а) результаты своих исследований	22	22,5	21,8
Принимал(а) участие в научных проектах лабораторий, центров и т. п. по договору, в рамках гранта и т. д. с оплатой работ	5,8	3,7	2,8
Принимал(а) участие в научных проектах лабораторий, клубов, кружков и т. п. на безвозмездной основе	6,7	4,8	6,9
Принимал(а) участие в научных семинарах, кружках и других научных мероприятиях	15,2	12,7	14,6
Выступал(а) на конференции (в том числе студенческой), научном семинаре	23,7	21,6	6,3
Участвовал(а) в конкурсе научных студенческих работ	13,2	9,6	12,5
Не участвовал(а) в научной работе	8,3	22	29,2

ально признанный ресурс для поддержания и развития студенческой науки. Таким образом, данные ЛРМ позволили сравнить подвыборки магистрантов в специфичных срезах, таких как научная активность среди магистрантов различных типов вузов и треки поступления в магистратуру тех, кто планирует обучаться в аспирантуре.

Среди магистрантов из НИУ научная активность оказалась в некоторых аспектах ниже средней. Эта активность измерялась по нескольким показателям. Так, например, доля штатных сотрудников научных лабораторий среди магистрантов НИУ немного превысила средний показатель (5,9% против 5,6%). Анализ вариантов ответа «Не принимал участия в научной работе» по типу вуза показал, что магистранты НИУ даже чаще всего выбирали этот вариант, чем остальные студенты выборки (36,8% против 32,5% по общей выборке) (Табл. 2).

Когорта магистрантов, планирующих поступление в аспирантуру и/или обучающихся в НИУ, отличается от общей выборки, по нескольким параметрам.

1. *Участие в реальных исследованиях.* Среди магистрантов, обучающихся в НИУ, больше тех, кто работает штатным сотруд-

ником лаборатории/центра. Магистранты из НИУ реже остальных выступают на конференциях и участвуют в научных кружках. Но по факту только 15,6% магистрантов НИУ имеют возможность получать навыки научной деятельности через участие в реальных исследованиях (на возмездной и безвозмездной основе). Полученные данные могут быть интерпретированы по-разному. Предположительно, в основе лежат организационные причины. При достаточном количестве научных подразделений и исследовательских проектов, которые являются важнейшей составляющей программ развития НИУ, задача вовлечения в них студентов не решена. Другими словами, научный потенциал университета не реализован в образовательных программах магистратуры и в индивидуальных траекториях студентов НИУ. Для магистрантов, ищущих свой путь в академической работе, не хватает условий для получения реальных навыков. В этой связи необходим поиск эффективных механизмов вовлечения магистрантов в научную деятельность.

2. *Выбор индивидуального трека.* О возможности построения индивидуального трека через курсы по выбору заявили 36,3% магистрантов от общей выборки. При этом

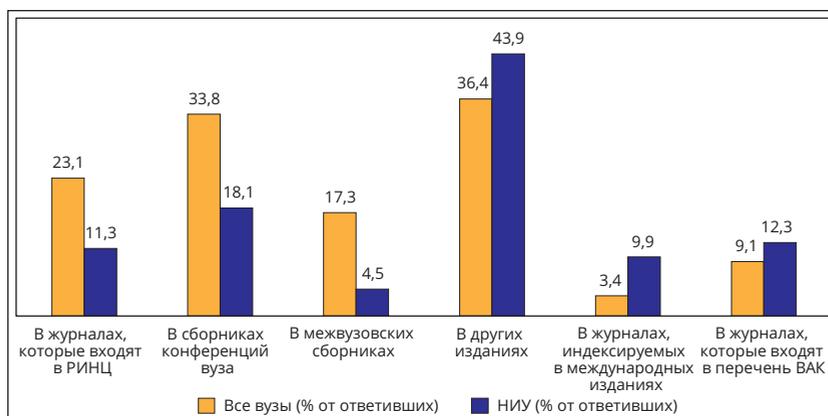

Рис. 3. Научные издания, в которых публикуются российские магистранты (%)

Fig. 3. Research journals in which master's students publish their articles (%)
(peach – all HEIs, dark blue – national research universities)

25,6% указали, что выбор дисциплин по выбору есть, но он формален, а 38% никогда не слышали о возможности выбирать дисциплины. Среди тех, кто планирует поступление в аспирантуру, 42,5% отметили возможность построения индивидуального трека. Таким образом, менее половины магистрантов, выбравших академический трек, имеют возможность влиять на содержание собственного образования. Это может существенно снизить мотивацию и препятствовать формированию исследовательских компетенций магистрантов, особенно в условиях гибридных/неакадемических программ магистратуры. Среди респондентов, представляющих национальные исследовательские университеты, о возможности выбора дисциплин заявили 50,6% – это значительно превышает результаты по общей выборке и свидетельствует о большей свободе для магистрантов НИУ формировать собственный трек.

3. *Публикационная активность.* Российские магистранты чаще всего публикуются в локальных сборниках конференций (33,8%). Около четверти опрошенных имеют публикации в журналах, индексируемых РИНЦ (36,4%). Вместе с тем статистически значимая часть опрошенных (3,4%) имеет публикации в изданиях, индексируемых в международных базах научного цитиро-

вания. Более трети респондентов выбрали вариант «В других изданиях» (36,4%), это может означать, что респондент не уверен в статусе издания или имеет в виду публикации в более низких по статусу, «мусорных» изданиях. Магистранты, ориентированные на академический трек, активнее остальных публикуются в рейтинговых журналах (в том числе международных), что объясняется их намерениями добиться высоких академических показателей по сравнению с другими студентами.

Магистранты из НИУ реже публикуются в сборниках конференций и журналах РИНЦ, при этом значительно чаще, чем магистранты из общей выборки, публикуют статьи в журналах, индексируемых в международных базах научного цитирования (9,9% и 3,4% соответственно) и в журналах из списка ВАК (12,3% и 9,1% соответственно). Это может свидетельствовать о том, что магистранты НИУ сфокусированы на более рейтинговых публикациях, выбирая качество, а не количество опубликованных статей (Рис. 3).

4. *Работа и профессиональные планы.* Ответы респондентов о трудоустройстве показали, что 70,0% уже были трудоустроены на момент поступления в магистратуру. В процессе обучения 78,6% магистрантов работали. На вопрос о карьерных планах 26,3%

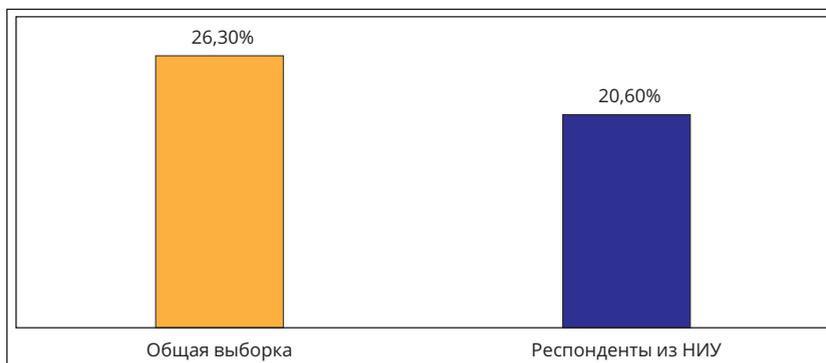

Рис. 4. Доля магистрантов, желающих построить карьеру в сфере образования и науки
 Fig. 4. Proportion of master students who plan to work in the field of education and research
 (peach – the entire sample, dark blue – respondents from national research universities)

ответили, что собираются работать в сфере образования и науки, 15,6% – на государственной службе, 8,6% хотят заняться предпринимательской деятельностью, 19,5% – стать наёмным работником в бизнесе, 6,0% ориентированы на фриланс.

Среди тех, кто поступил в магистратуру с намерением продолжить обучение в аспирантуре, планируют работать в сфере образования и науки 50,6%. Среди респондентов НИУ только пятая часть планирует работать в этой сфере (Рис. 4).

Было обнаружено, что профессиональные планы тех студентов научно-исследовательских университетов, кто собирается поступать в аспирантуру, отличаются от планов тех, кто намерен поступать в аспирантуру и учиться не в НИУ. Так, среди первой когорты на 8,2% больше тех, кто планирует работать в образовании и науке, на 7,6% – наёмным работником в бизнесе, и на 2,9% – в общественных организациях. При этом такие магистранты меньше ориентированы на карьеру в области государственной службы (на 5% меньше среднего значения по выборке и на 15% меньше, чем магистранты федеральных университетов). Также менее привлекательной кажется для них и предпринимательская деятельность.

Далее мы рассмотрели треки поступления в магистратуру студентов, планирующих продолжить обучение в аспирантуре, и про-

верили, насколько они отличаются по типам вузов, уделяя внимание НИУ.

Общероссийская тенденция на основе данных ВПО-1 Министерства образования и науки РФ состоит в том, что половина магистрантов (52%) поступают с перерывом в обучении (считалась доля магистрантов в возрасте 23 лет и выше, поступивших в магистратуру в 2021 г.).

Данные опросов показали, что магистранты, сменившие направление подготовки, менее склонны поступать в НИУ. Так, согласно данным МЭО, 18,7% опрошенных магистрантов сменили направление в магистратуре и учатся в НИУ. Среди обучающихся по тому же направлению таких 23,4%. Этот срез не показывает когорту тех, кто планирует поступать в аспирантуру, поэтому обратимся к результатам опроса АРМ. Большинство студентов, планирующих дальнейшее обучение в аспирантуре, поступают в магистратуру без перерыва (Треки 1 и 3). Со сменой направления это делает четверть опрошенных, без смены – чуть больше половины. Среди тех, кто сменил направление подготовки (Треки 3 и 4), 11,2% – респонденты из НИУ, а среди тех, кто не сменил, таких 10%. Таким образом, взаимосвязи между типом вуза (НИУ и остальные) и сменой направления не зафиксировано. Что касается перерыва в обучении, то 16,3% сделавших перерыв поступили в НИУ; среди тех, кто не делал перерыв, таких

Таблица 3

Распределение ответов о профессиональных планах магистрантов, планирующих поступление в аспирантуру

Table 3

Proportion of answers on career plans of master's students who are going to enter doctoral school

Профессиональные планы	Тип вуза	Без статуса	НИУ	Опорный	Федеральный	Всего
Государственная служба		12,5%	8,2%	16,3%	23,4%	13,5%
Другое		8,1%	0,0%	27,5%	8,5%	10,2%
Наёмный работник в бизнесе		9,4%	18,0%	8,8%	10,6%	10,4%
Образование и наука		56,6%	59,0%	26,3%	46,8%	50,8%
Общественные организации		2,8%	6,6%	7,5%	0,0%	3,7%
Предпринимательская деятельность		5,9%	4,9%	10,0%	10,6%	6,8%
Фриланс		4,7%	3,3%	3,8%	0,0%	3,9%

10%. В этой связи перерыв в обучении между бакалавриатом и магистратурой у тех, кто планирует поступать в аспирантуру, связан с типом вуза сильнее, чем смена направления подготовки. Можно предположить, что у НИУ больше возможностей привлечь тех, кто сделал перерыв и осознанно выбирает вуз для академической карьеры. Нельзя однозначно сказать, что непрерывный трек «бакалавриат – магистратура» является гарантом академической карьерной траектории, скорее, этот трек делает такую траекторию более комфортной для обучающегося.

В НИУ, как было отмечено выше, больше всего тех, кто собирается работать в образовании и науке (выборка планирующих поступление в аспирантуру). Показательно, что в опорных и федеральных вузах меньше половины (в опорных – четверть) магистрантов, планирующих поступать в аспирантуру, не предполагают строить академическую карьеру и понимают это уже на этапе учёбы в магистратуре (Табл. 3).

Выводы и дискуссия

Данные опросов и анализ вторичной статистической информации позволили сделать следующие выводы о том, какую роль играет магистратура в академическом треке студента.

Структура и способы вовлечения студентов в науку не отличаются в бакалавриате и

магистратуре. Основными формами остаются публикации в сборниках студенческих работ, участие в конференциях и точечное вовлечение студентов в научные кружки. При этом уровень магистерского образования предполагает развитие более серьёзных академических компетенций. Очевидной связи между типом вуза (НИУ или другой) и вовлечённостью магистранта в работу научных коллективов не обнаружено.

Магистранты, ориентированные на научную карьеру, придерживаются непрерывного трека без смены направления подготовки, однако этот тренд не подавляющий, есть и другие стратегии, которые необходимо учитывать. Непрерывный академический трек объясняется тем, что для учёбы в аспирантуре необходимы углублённые знания, накапливаемые не один год.

Большинство магистрантов связывают обучение в магистратуре не столько с академической карьерой, сколько с лучшей позицией в других профессиональных сферах. Это требует обсуждения большей вариативности треков внутри программ аспирантуры и, соответственно, внутри магистратуры. Сторонники идеи разных треков предлагают разделить программы аспирантуры на научные и профессиональные, другие исследователи выступают за общее увеличение самостоятельности организаций в выборе содержания и форматов обучения [5].

С нашей точки зрения, сложившаяся ситуация не является кризисом академического образования – это может оказаться гибким ответом на требования рынка труда. Проблема, скорее, в том, что сохраняются устаревшие формы привлечения студентов к участию в научной деятельности (неэффективные для освоения современных академических компетенций, которые могли бы сформировать конкурентный академический рынок): внутривузовские студенческие конференции и публикации «для галочки» в низкорейтинговых журналах. Фактически магистранты слабо вовлечены в работу научных коллективов и центров, особенно на возмездной основе. Это связано с тем, что в магистратуре большинства вузов не сложились условия для выстраивания индивидуального трека для достройки необходимых компетенций. То есть тенденция индивидуализации образовательных траекторий студентов, в частности академического трека, слабо реализована в российских вузах.

Национальные исследовательские университеты, имеющие более сильный научный потенциал, не стали лидерами по вовлечению магистрантов в научную деятельность. Показатели вовлечённости магистрантов в науку в НИУ по ряду показателей оказались даже ниже среднего по выборке, и мотивация магистрантов этого типа вузов к академической карьере также не превышает средних значений.

Полученные данные позволили сформулировать ряд рекомендаций для администраторов вузов и руководителей образовательных программ магистратуры и аспирантуры. Прежде всего, необходимо заложить возможность выбора академического трека уже после бакалавриата, так как значительная часть магистрантов уже при поступлении понимают, готовы ли они заниматься научной деятельностью.

Назрела также необходимость в изменении практик управления вовлечённостью студентов в решение задач развития образовательных программ. На сегодняшний день

при проектировании магистерских программ и анализе эффективности управления ими [12], студенты редко рассматриваются как субъекты соуправления, хотя это напрямую отвечает принципу студентоцентрированного обучения (student-centered learning) и формированию практик участия и вовлечённости.

Можно заключить, что магистратура в российских вузах лишь формально является ступенью в подготовке академических кадров. Тем не менее в ведущих вузах страны существует ряд практик, которые включают магистерский уровень образования в единый академический трек, связанный с аспирантурой (НИУ ВШЭ, МГУ им. Ломоносова и др.), или поддерживают развитие академических навыков через вовлечённость магистрантов в работу лабораторий. На наш взгляд, необходимо масштабировать подобные практики на большее число вузов, у которых есть ресурсы для проведения научно-исследовательской деятельности и разработок (особенно для решения задач развития региона, в котором расположен вуз).

Реализация принципа индивидуализации обучения, наличие большого числа курсов по выбору, майноров и возможности для магистрантов достраивать свои компетенции через самостоятельный выбор дисциплин может создать благоприятные условия для тех, кто планирует академическую карьеру. При этом магистратура по сравнению с бакалавриатом должна предоставлять более широкие возможности конструирования индивидуальных образовательных траекторий [13]. С точки зрения развития магистерского образования два трека (академический и прикладной) внутри магистратуры различаются прежде всего тем, что академический (аспирантский) трек предполагает углублённое изучение дисциплин. Необходимо создать условия, когда будет существовать реальное разделение на академическую и прикладную магистратуру.

Сохранение размытой границы между академической и прикладной/смешанной магистратурой и невозможность выбора

индивидуального трека обучения могут привести к усилению дефицита научных кадров и ослаблению существующих научных школ. Это ставит острые вопросы о стратегии формирования российского академического рынка. Создать его «сверху», ориентируясь только на рейтинги вузов и перераспределение средств на исследования, не представляется целесообразным. Также не кажется удачной и стратегия увеличения контрольных цифр приёма в магистратуру, которая не подкреплена увеличением спроса на магистратуру со стороны абитуриентов. Скорее, это стремление сохранить занятость молодёжи и обеспечить государственный сектор молодыми кадрами. Такая политика размывает академический трек для магистранта.

Стратегически важно понимать, как выстроить трек «магистратура – аспирантура», связав его с практикой работы уже существующих ведущих научных центров российских вузов. Число академических программ магистратуры должно быть адекватно количеству научных школ, а входной фильтр высок. Это может стать стратегической задачей образовательной политики как в области сохранения и развития университетских научных школ, так и в области магистратуры, которая позволит выстроить чёткий образовательный трек тем, кто хотел бы продолжить своё обучение в аспирантуре. Трансформировать стратегии магистерского образования внутри вуза можно через стратегические проекты академического лидерства, актуализированные в 2021 г. программой «Приоритет-2030».

Таким образом, пока нельзя говорить о значимой конвергенции заявленных нормативно задач образовательной политики в области академической магистратуры и их реализации на микроуровне (то есть о наличии значимого эффекта в восприятии магистрантов). Тем не менее студенты, формируя спрос на навыки академической работы, могут стать тем ресурсом, который поддержит сложившиеся научные

школы и будет способствовать созданию конкурентного академического рынка в российском и международном академическом пространстве.

Литература

1. *Гармонова А.В., Щеглова Д.В.* Эффект Path dependence российской магистратуры: ценностный вызов и потенциал модернизации высшего образования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2020. № 3. С. 16–20. EDN PSHHAO.
2. *Герентьев Е.А., Бекова С.К., Малошонов Н.Г.* Кризис российской аспирантуры: источники проблем и возможности их преодоления // Университетское управление: практика и анализ. 2018. № 22 (5). С. 54–66. DOI: 10.15826/umpra.2018.05.049
3. *Райчук Д.Ю., Минина Н.В.* О позиционировании аспирантуры в структуре высшего образования // Высшее образование в России. 2016. № 4 (200). С. 33–41. URL: <https://vovg.elpub.ru/jour/article/view/406> (дата обращения: 09.07.2022).
4. *Макарова С.Н., Резник С.Д.* Магистранты российского университета: социальное поведение и качество обучения // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 11. С. 9–21. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-11-9-21
5. *Нефедова А.И., Дьяченко Е.А.* Реформа аспирантуры в России в зеркале глобальных трендов // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 92–111. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-92-111
6. *Герентьев Е.А., Рыбаков Н.В., Бедный Б.И.* Зачем сегодня идут в аспирантуру. Типологизация мотивов российских аспирантов // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 40–69. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-1-40-69
7. *Кафаева Е.В., Костенко О.А., Маландин В.В., Мосичева И.А.* Программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре как базовый инструмент укрепления кадрового потенциала российской науки // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 1. С. 9–23. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-9-23
8. *Yudkevich M.M., Altbach P. G., De Wit H., Rudakov V.* (2020). Doctoral Education Worldwide: Key Trends and Realities // Trends and Issues in Doctoral Education: A Global Perspec-

- tive / M.M. Yudkevich, P.G. Altbach, H. De Wit (Eds). SAGE Studies in Higher Education. Ch. 19. P. 467–490. URL: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/trends-and-issues-in-doctoral-education/book273960> (дата обращения: 09.07.2022).
9. *Красинская А.Ф., Климова А.С.* Аспирантура в ожидании перемен: насколько к ним готовы аспиранты и их научные руководители? // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 3. С. 24–36. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-3-24-36
  10. *Adelman C.* The Bologna Process for U.S. Eyes: Re-learning Higher Education in the Age of Convergence. Washington, DC : Institute for Higher Education Policy, 2009. URL: https://www.immagic.com/eLibrary/ARCHIVES/GENERAL/IHEP_US/I090402A.pdf (дата обращения: 09.07.2022).
  11. *Brøgger K.* The ghosts of higher education reform: On the organizational processes surrounding policy borrowing // Globalisation, Societies and Education. 2014. No.12 (4). P. 520–541. DOI: 10.1080/14767724.2014.901905
  12. *Калачикова О.Н., Акимова К.К.* Управление магистратурой в условиях трансформации университета // Университетское управление: практика и анализ. 2018. №1 (113). С. 6–15. DOI: 10.15826/umpra.2018.01.001
  13. *Ким И.Н., Лисиенко С.В.* О роли магистратуры в стратегическом развитии вуза // Высшее образование в России. 2012. № 11. С. 23–28. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/3925> (дата обращения: 09.07.2022).

Благодарности. Авторы выражают благодарность Благотворительному фонду Владимира Потанина за грантовую поддержку всероссийского исследования «Ландшафт российской магистратуры».

Статья поступила в редакцию 12.07.22

Принята к публикации 29.08.22

References

1. Garmonova, A.V., Shcheglova, D.V. (2020). Effect of Path Dependence of the Russian Master's Program: Value Challenge and Potential of Modernization of Higher Education. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya = Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*. No. 3, pp. 16–20. (In Russ., abstract in Eng.).
2. Terentev, E.A., Bekova, S.K., Maloshonok, N.G. (2018). The Crisis of Postgraduate Studies in Russia: What Bears Problems and How to Overcome Them. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. No. 22 (5), pp. 54–66, doi: 10.15826/umpra.2018.05.049 (In Russ., abstract in Eng.).
3. Raychuk, D.Yu., Minina, N.V. (2016). About Positioning Postgraduate School in a Three-Tier Structure of Higher Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 4 (200), pp. 33–41. Available at: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/406> (accessed 09.07.2022). (In Russ., abstract in Eng.).
4. Makarova, S.N., Reznik, S.D. (2019). Master's Degree Students at Russian Universities: Social Behavior and Quality of Training. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 28, no. 11, pp. 9–21, doi: 10.31992/0869-3617-2019-28-11-9-21 (In Russ., abstract in Eng.).
5. Nefedova, A.I., D'yachenko, E.L. (2019). The Reform of Postgraduate Education in Russia in the Context of Global Trends. *Mir Rossii = Universe of Russia*. Vol. 28, no. 4, pp. 92–111, doi: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-92-111 (In Russ., abstract in Eng.).
6. Terentev, E.A., Rybakov, N.V., Bednyi, B.I. (2020). Why Embark on a PhD Today? A Typology of Motives for Doctoral Study in Russia. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. No. 1, pp. 40–69, doi: 10.17323/1814-9545-2020-1-40-69 (In Russ., abstract in Eng.).
7. Karavaeva, E.V., Kostenko, O.A., Malandin, V.V., Mosicheva, I.A. (2022). PhD Programs as a Basic Tool of Human Capacity Building in Russian Science. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 31, no. 1, pp. 9–23, doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-9-23 (In Russ., abstract in Eng.).
8. Yudkevich, M.M., Altbach, P.G., De Wit, H., Rudakov, V. (2020). Doctoral Education Worldwide: Key Trends and Realities. In: Yudkevich, M.M., Altbach, P.G., De Wit, H. (Eds). *Trends and Issues in Doctoral Education: A Global Perspective*. SAGE Studies in Higher Education, Ch. 19, pp. 467–490. Available at: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/trends-and-issues-in-doctoral-education/book273960> (accessed 09.07.2022).

9. Krasinskaya, A.F., Klimova, A.S. (2020). Doctoral Programs Are in Anticipation of Change: Postgraduates and Their Scientific Supervisors' Readiness. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 29, no. 3, pp. 24-36, doi: 10.31992/0869-3617-2020-29-3-24-36 (In Russ., abstract in Eng.).
10. Adelman, C. (2009). The Bologna Process for U.S. Eyes: Re-learning Higher Education in the Age of Convergence. Washington, DC: Institute for Higher Education Policy. Available at: https://www.immagic.com/eLibrary/ARCHIVES/GENERAL/IHEP_US/I090402A.pdf (accessed 09.07.2022).
11. Brøgger, K. (2014). The Ghosts of Higher Education Reform: On the Organizational Processes Surrounding Policy Borrowing. *Globalisation, Societies and Education*. Vol. 12, no. 4, pp. 520-541, doi: 10.1080/14767724.2014.901905
12. Kalachikova, O. N., Akimova, K. K. (2018). Direction of the Master's Program in the Conditions of University Transformation. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. No. 22 (1), pp. 6-15, doi: 10.15826/umpa.2018.01.001 (In Russ., abstract in Eng.).
13. Kim, I.N., Lisienko, S.V. (2012). The Role of Master's Degree Programme in Strategic Development of Higher Educational Institution. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 11, pp. 23-28. Available at: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/3925> (accessed 09.07.2022). (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgement. The authors would like to thank the Vladimir Potanin Foundation for supporting the research project "The landscape of Russian Magistracy".

*The paper was submitted 12.07.22
Accepted for publication 29.08.22*

Приложение 1

Описание типов вузов в выборке исследования «Ландшафт российской магистратуры»

Annex 1

Types of Universities according to the sample of the survey "The Landscape of Russian Magistracy"

Классификатор	Характеристика	Доля вузов (%)	Количество
Статус	НИУ	14	4
	Федеральные университеты	8	2
	Опорные вузы	14	4
	Без статуса	64	18
Предметная направленность	Классические/многопрофильные университеты	67	19
	Технические университеты	11	3
	Педагогические	11	3
	Отраслевые	11	3
Участие в программе «Приоритет-2030»	Участствует	30	8
	Не участвует	70	20

Приложение 2

Описание выборки исследования «Ландшафт российской магистратуры»

Annex 2

Sample of the survey "The Landscape of Russian Magistracy"

Переменная (N = 2498)	Значение
Мужчин	0,34
Средний возраст	22,5
Обучаются за счёт государственного бюджета	0,76
Сочетают работу и учёбу	0,79
Очная форма обучения	0,72